

В. А. ШИШАНОВ (*Витебск*)

ОСОБАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АССИГНАЦИОННОГО БАНКА ПО ЕГО ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ОБОРОТАМ (1797—1804 гг.)

В конце XVIII в. расстройство русских финансов и неразвитость финансовых институтов заставили правительство Павла I предпринять ряд шагов к созданию системы регулирования денежного обращения, управления государственным кредитом и государственным долгом.

Желание превратить Ассигнационный банк в более действенный инструмент регулирования экономики можно обнаружить еще в манифесте Екатерины II от 28 июня 1786 г., по которому банку «дозволялось» иметь собственный монетный двор, производить учет векселей, торговать медью, чеканить золотую и серебряную монеты и выпускать ее в обращение «для сохранения надлежащего соразмера между медными и серебряными деньгами»¹.

При Павле I в структуре Ассигнационного банка возникают подразделения, призванные реализовать «дарованные привилегии» — Банковский монетный двор, конторы (страховая, по покупке металлов и две учетные — по товарам и векселям). Их деятельность уже получила отражение в историографии русских финансов². Но лишь однажды в статье П. А. Шторха «О государственном долге» (1873)³ было упомянуто о стоявшей во главе названных учреждений Особой экспедиции Ассигнационного банка по его хозяйственным оборотам.

Основной комплекс документов, освещавших деятельность Особой экспедиции, уничтожен в 1830-х гг., и лишь немногочисленные архивные документы сохранили сведения об этом таинственном учреждении.

История Особой экспедиции Ассигнационного банка — яркий пример того, как порой далеки обнародованные манифесты, указы от истинных намерений их авторов и действительного развития событий. Сложно сказать, чего здесь больше: прозорливости или недалекости, заботы об интересах государства или корыстолюбия, собственных утопий правителей или желания ввести в заблуждение подданных и направить в желаемое русло их поведение.

К концу 1797 г. со всей очевидностью проявилась несостоятельность надежд Павла I на разрешение финансовых затруднений и успешное пре-

образование российской денежной системы посредством «преобразования государственных ассигнаций в монету»⁴. Увеличение содержания серебра в рубле оказалось убыточным для государства, сумма внутренних долгов «на казне» составила более 34 млн руб., внешних — более 55 млн руб.⁵

Поворотным пунктом в финансовой политике стал указ от 3 октября 1797 г., восстановивший рубль с 18 г серебра, но сохранивший более высокую пробу — $83 \frac{1}{3}$ зол.⁶

6 октября появилась секретная инструкция Павла I князю А. А. Безбородко, князю А. Б. Куракину и барону А. И. Васильеву — «в рассуждение распоряжения Ассигнационного банка»⁷, направленная «на лучшее устройство государственного хозяйства, <...> дабы различия в Империи Нашей ходящая деньги приведены были в надлежащую соразмерность».

На первый взгляд документ в целом не выходит за рамки ранее намеченной программы нормализации денежного обращения. В «Инструкции» регламентировалась чеканка золотой и серебряной монеты, ее распределение. Предполагалось, что Ассигнационный банк будет «выпускать сию монету в народное обращение, выкупая в публице ею ассигнации».

Количество ассигнаций планировалось сократить на 60 млн руб. в течение 10 лет. Для чего ежегодно в банк должно было поступать 4 млн руб. из Казначейства, 1 760 000 руб. из Заемного банка и доходы от приобретенных банком заводов, «чтоб, по крайней мере, всякой год истреблять оных [ассигнаций. — *В. III.*] по шести миллионов».

Здесь же говорилось о необходимости открытия Эсконтной (Учетной) конторы, реорганизации Конторы придворных банкиров для осуществления заграничных платежей и «умножения» выплавки меди для «обращения ее в продажу внешнюю, приобретаая за оную золото и серебро».

Особой экспедиции Ассигнационного банка по его хозяйственным оборотам в инструкции отводилась достаточно скромная роль: «Ассигнационному банку стараться, приобретаая покупкою, медные заводы и на них умножать разработывание рудников и выплавку металла, но притом в изворотах своих наблюдать крайнюю осмотрительность, дабы, если бы случилось употребить на сие часть возвращенных капиталов, мог он наградить с прибылью таковые издержки и к истечению назначенного в шестом отделении [10-летнего. — *В. III.*] срока нашелся он в состоянии ему тут предположенном <...> для удобнейшего по таковым хозяйственным Ассигнационного банка изворотам главному его директору отделить из правления его особую экспедицию в двух советниках и одним банковым директором с необходимо нужным числом прочих чинов и служителей, которая все подобные дела под его начальством бы исправляла».

Чуть позже, 18 декабря 1797 г., был опубликован указ, в котором также как будто бы выдерживалась прежняя линия: ассигнации признавались «общенародным долгом на казне», говорилось о выделении средств для их вы-

менования⁸. Но секретные распоряжения уже свидетельствуют об иных намерениях Павла I: император принимает решение довести число ассигнаций в обращении до 200 млн руб.⁹ По указам от 7 ноября и 18 декабря 1797 г. новая эмиссия на издержки военных департаментов, обороты учетных контор, пособие Заемному банку и в государственный запас составила 53 595 600 руб. асс.¹⁰ Вся сумма поступила на счет Особой экспедиции. Безусловно, это придало Экспедиции по хозяйственным оборотам особую значимость. Сведения о расходе капитала содержатся в таблице¹¹.

Назначение	Отпущено	Возвращено	Остаток
По указу 7 нояб. 1797 г. на очистку издержек по военным департаментам — 12 млн руб.	12 млн руб.	—	—
По указу 18 дек. 1797 г. на обороты учетных контор — 15 млн руб.	15 млн руб.	3 978 013,32 руб.	
На помощь Заемному банку назначено — 6 595 600 руб.	919 500 руб.	—	1 400 руб.
	Остальное пошло на обмен билетов Вспомогательного банка		
В государственный запас определено — 20 млн руб. К этому прибавилось: возвращенные посредством вексельной конторы — 3 978 013,32 руб.; возвращенные в платеж долгов — 4 196 475 руб.; что составило — 28 174 488 руб. 32 коп.			
Из этой суммы с 1798 по 1803 г.:		Отпущено	
на военные департаменты		11 061 763,9 руб.	
на Вспомогательный банк		2 500 000 руб.	
государственному казначею и казначействам		8 546 359,36 руб.	
на строительство дорог		1 326 029,35 руб.	
на платеж за Луганские заводы		696 475 руб.	
в Эсконтную контору для платежа долгов по придворным местам и театральной дирекции		1 275 633 руб. 80,75 коп.	
ИТОГО из запасного капитала в расходе — 25 402 261 руб. 47,75 коп.			
Всего из капитала экспедиции в расходе — 58 996 461 руб. 47,75 коп., из них исключаются: поступившие в уплату — 8 174 488 руб. 32 коп., 2 дек. 1803 г. сложено с военных департаментов — 4 500 000 руб., затем остается в долгах — 46 321 973 руб. 15,75 коп.			
А всего капитала за исключением 4,5 млн — 49 095 600 руб., который по плану, утвержденному 25 нояб. 1803 г., поступил в общий капитал банка, составленный из 250 млн руб., и со счета экспедиции снят.			

Князь Алексей Куракин, фаворит Павла I и первая скрипка во всех финансовых преобразованиях, решил придать делу еще больший размах. По его предложению от 25 декабря 1797 г. в подчинение Особой экспедиции поступают: Банковский монетный двор, конторы (страховая «о покупке металлов» и две «учетные» по вексялям и товарам). Общее руководство экспедицией возлагается на первого советника правления Ассигнационного банка И. В. Яворского, советников А. Н. Оленина и кн. А. Н. Хованского¹².

Секретный характер экспедиции прослеживается и в двух сохранившихся вариантах «Начертания правил» Особой экспедиции от 20 октября 1797 г. и 9 февраля 1798 г.¹³ Так, в последнем варианте отмечается, что «экспедиция совершенно должна быть отделена от правления банка, и как по деяниям своим, так и по суммам или местам в ведомстве ея вверенным никому, кроме Его Императорского Величества, отчета не дает, всеподданнейше донося по оборотам сумм в хранение ея вверенным в семидневных ведомостях по особым годовым балансам чрез главного директора Ассигнационного банка»¹⁴. В «Правилах» главным образом регламентируется бюрократический порядок деятельности учреждения.

Непосредственные задачи, стоявшие перед экспедицией, скрываются под весьма витиеватой фразой: «Первый предмет особой банка экспедиции должен быть исполнение данных ей препоручений, означенных в именном Его Императорского Величества рескрипте, в силу коего установлена сия экспедиция, с которого для руководства в течение дел своих хранит при сем начертании копию в присутственном столе, от которого ключ иметь только одному старшему члену экспедиции, дабы деяния с оным всегда соображались, а предмет остался бы скрыт, для людей сему делу посторонних <...>»¹⁵.

Алексей Куракин стремился превратить экспедицию в некий центр, контролирующей экономическую ситуацию по всей стране. Так, 5 января 1798 г. он внес предложение, чтобы в каждой губернии нотариусы «ежемесячно репортовали в магистрат с показанием от кого и на какую сумму оных векселей опротестовано, а сие место доносило б немедленно к господину губернатору для доставления такового сведения Особой экспедиции, отделенной из правления <...> и сверх того, дабы магистраты предъявляли также господам губернаторам о торгующих при портах купцах, означая именно их капиталы и имение, состоящее в каких-либо фабриках, заводах, домах, а притом о аттестатах торгов <...> по собрании тех донесений сообщать оныя в упомянутую Особую экспедицию в течение каждой трети года»¹⁶. По этому предложению состоялся императорский указ от 12 февраля 1798 г.¹⁷

Однако сбор экономической информации, вероятно, не приобрел регулярного характера. В сохранившейся описи уничтоженных документов

упоминаются лишь дела о вексельном курсе и курсах на золото и серебро «в присоединенных от Польши» губерниях, маклерские таблицы о ценах на товары в Санкт-Петербурге с 1798 по 1800 г. и рапорты губернских прокуроров неизвестного содержания¹⁸.

Уцелевшие документы позволяют говорить о том, что фактически основной функцией экспедиции стал отпуск сумм из выделенного ей капитала, сохранение тайны эмиссии и, на первоначальном этапе, поддержание курса ассигнаций посредством обмена на звонкую монету.

Предварительно созданные запасы золотой и серебряной монеты позволили без каких-либо осложнений осуществлять обмен ассигнаций с января по октябрь 1798 г.

Контора по покупке металлов так и не смогла с прибылью осуществлять закупки золота и серебра. Если в целом за 1798 г. поступления от частных лиц и государственных учреждений составили в золоте 584 942 руб. 92,25 коп., в серебре — 4 845 747 руб. 74,5 коп., то закупить у частных лиц в Петербурге удалось лишь 1224 руб. 90 коп. золотом и 31 956 руб. 99,25 коп. серебром¹⁹.

Малоуспешны были и попытки закупать на ассигнации и медные деньги серебряную монету в западных губерниях. Так весной 1798 г. каменец-подольскому военному губернатору А. А. Беклешову было отправлено 100 тыс. руб. ассигнациями и медью для обмена на серебро. В итоге по явно заниженному «лажу» в 25 коп., удалось выменять в Каменце-Подольском, Старокопанинине и Минске всего 7 185 руб. серебром²⁰.

К октябрю 1798 г. размен ассигнаций был прекращен по причине неэффективности и истощения выделенных для этого лимитов золотой и серебряной монет. Катастрофические последствия деятельности Вспомогательного банка для дворянства вынудили направить на выкуп билетов банка все средства, ранее предназначавшиеся на «преобразование ассигнаций»²¹. 21 сентября Павел I, разочарованный провалом проектов своего фаворита, отстранил А. Куракина от службы²².

После того Особой экспедиции уже не придавалось столь большого значения, и в начале 1799 г. Банковский монетный двор был передан в ведение Монетного департамента²³.

Большой успех выпал на долю идеи Куракина о переводе государственных долгов частным людям из казначейства на Учетные конторы. По утвержденному 16 декабря 1797 г. уставу Учетные конторы были созданы «к усилению и вспомоществованию ремесел и торговли преимущественно российским купцам, заводчикам и фабрикантам, имеющим в деньгах нужду не срочное время для полезных их оборотов»²⁴. Но если говорить о размерах операций, основной функцией этих контор на начальном этапе стало погашение части внутреннего долга, для чего Учетным конторам и выделялось 15 млн руб.²⁵

По замыслу Куракина, в год должно было выплачиваться долгов не более чем на 3 млн руб. Всем кредиторам казначейство выдало специальные свидетельства с правом передачи другим лицам. По свидетельству деньги можно было получить и раньше установленного срока, но со взиманием 0,5 % за каждый месяц до декабря, если выплата предстояла в данном году, и еще 3 %, если расчет был назначен на последующие годы. Своими коммерческими оборотами конторы должны были получать дополнительные суммы для погашения долга. Стремлением ускорить обращаемость средств и, следовательно, получить большую прибыль объясняется и кратковременность сроков, на которые выдавались ссуды. Так, по предложению директора Ассигнационного банка П. С. Свистунова от 23 января 1801 г. время приема под учет векселей было сокращено с 9 до 3 месяцев²⁶.

К началу 1800 г. выявилась необходимость новой структурной перестройки Особой экспедиции в связи с тем, что прибыли Страховой конторы и Конторы о покупке металлов не покрывали даже расходов на содержание этих учреждений. В «конфирмованном» 14 января 1800 г. докладе П. С. Свистунов указывал: «<...> Страховая контора во все время получила с застрахованных ею товаров только 1 219 руб. 28 $\frac{1}{4}$ коп., а Контора о покупке металлов собрала чрез посредство вымена на ассигнации, и то большею частью от гос[ударственного] казнач[ея] и от кабинета Вашего Императорского Величества, золота на 432 795 руб. 25 $\frac{1}{4}$ коп. и серебра 3 868 010 руб. 80 $\frac{1}{4}$ коп. <...> по малому своему обращению, будучи не в силах награждать получаемыми доходами и одних расходов, потребных на ежегодное содержание до 18 890 руб., оставаясь без действий, единственно увеличивают только расходы банковской экономической суммы». При этом с 1 марта 1798 г. Учетная контора по векселям «приобрела» 883 537 руб. 9 коп., а по товарам — 31 634 руб. 90,5 коп. Было принято решение объединить три конторы (Страховую, Учетную по товарам и «О покупке металлов») в одной Учетной конторе по товарам под управлением одного советника, оставив ее в ведении Особой экспедиции²⁷.

Известно, что в 1800 г. Контора о покупке металлов осуществляла продажу серебряной монеты на ассигнации на сумму 78 742 руб. ассигнациями с променом 51—52 коп. ассигнациями за рубль серебром²⁸, но такая продажа носила скорее характер льгот для отдельных купцов.

Общая сумма прибыли, полученной Особой экспедицией с 1 марта 1798 г. по 1 декабря 1802 г., составила 1 552 404 руб. 38,5 коп.²⁹

Определенную роль сыграло мнение управляющих экспедицией и в судьбе подготовки выпуска ассигнаций образца 1802—1803 гг. Так сохранилась выписка из дневной записки экспедиции от 19 марта 1802 г. следующего содержания: «<...> в связи с тем, что изменение вида ассигнаций требует изменения законов, а повредит ли это народный кредит, станет извест-

но только, когда новые ассигнации уже будут обращаться, решено приостановить рассмотрение этого вопроса до приличного тому времени»³⁰.

В первые года правления Александра I сложилась парадоксальная ситуация, когда при невиданных прежде темпах эмиссии курс ассигнаций продолжительное время сохранялся на уровне более высоком, чем в последние годы царствования Павла I, и без принятия каких-либо чрезвычайных мер.

25 ноября 1803 г. был утвержден план министра финансов Алексея Васильева, по которому количество ассигнаций в обращении предполагалось довести до 250 млн руб. и весь капитал был объединен воедино под управлением Ассигнационного банка и независимой от него Особой экспедиции. Вскоре стало ясно, что при таком управлении «не только надлежащего успеха, но даже порядка и точности в распоряжениях, часто тому или иному начальству неизвестных» добиться невозможно. Считалось также, что двойное управление и «самое число советников» (21 чел.) не будет способствовать сохранению в тайне «банковского капитала в народе обращающегося»³¹. По докладу А. Васильева 3 июня 1804 г. Экспедиция Ассигнационного банка по его хозяйственным оборотам была упразднена и учреждена новая «особая» экспедиция из шести советников, «которых бы делом было единственное упражнение в подписывании ассигнаций»³².

Учетные конторы в штате Ассигнационного банка просуществовали до 1817 г., когда были преобразованы в Коммерческий банк.

Таким образом, несмотря на скромные результаты своей деятельности, Особая экспедиция все же стала важным этапом в построении и совершенствовании финансовой администрации, основанной на более рациональных, коммерческих методах ведения финансового хозяйства.

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1-е собр. СПб., 1830. (далее — ПСЗ). Т. 22. № 16407.

² *Корецкий В. Т.* Банковский монетный двор // Нумизмат. сб. ГИМ. Ч. 7. М., 1980. Вып. 53. С. 70—84; *Смирнов М. И.* История Банковского монетного двора // Старая монета (Приложение к газете «Миниатюра»). 2003. № 14. С. 6—8; *Шишанов В. А.* К истории создания Банковского монетного двора / Хранитель Эрмитажа: Сб. воспоминаний и науч. ст. к 100-летию со дня рождения И. Г. Спасского. СПб., 2004. С. 221—228; *Боровой С. Я.* Кредит и банки России (середина XVIII — 1861 г.). М., 1958. С. 124—128; *Боровой С. Я.* Кредитная политика царизма в условиях разложения крепостничества // Вопр. истории. М., 1954. № 2. С. 129—138.

³ *Шторх П. А.* О государственном долге // Гражданин. 1873. № 38. С. 1027.

⁴ См.: *Шишанов В. А.* Операция преобразования государственных ассигнаций в монету // Нумизмат. альманах (Москва). 1999. № 1. С. 2—11.

⁵ *Шторх П. А.*, 1873. С. 1026, 1028.

⁶ ПСЗ. Т. 24. № 18178.

⁷ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА), ф. 204, оп. 1, д. 4, л. 1—6 об. (копия).

- ⁸ ПСЗ. Т. 24. № 18278.
- ⁹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 584, оп. 1, д. 2936, л. 7.
- ¹⁰ Там же, д. 3012, л. 35—45 об.
- ¹¹ Таблица составлена по материалам дела «Ведомости расходам из капитала Особой экспедиции, произведенных по царским указам» (РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 3012).
- ¹² РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 634, л. 176 и об.
- ¹³ Там же, д. 2227, л. 19—35.
- ¹⁴ Там же, л. 27 об—28.
- ¹⁵ РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 2227, л. 30.
- ¹⁶ РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 635, л. 10. ПСЗ. Т. 25. № 18371.
- ¹⁷ ПСЗ. Т. 25. № 18371.
- ¹⁸ РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 2936, л. 16, 21, 27.
- ¹⁹ РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 3016, л. 11 об—14.
- ²⁰ Там же, л. 31.
- ²¹ РГИА, ф. 557, оп. 2, д. 50, л. 266. Российский государственный архив древних актов, ф. 204, оп. 1, д. 28, л. 136 и об.; *Боровой С. Я.* Вспомогательный банк // Исторические записки. М., 1953. Т. 44. С. 206—230.
- ²² Сенатский архив. СПб., 1888. Т. 1. С. 426, 442.
- ²³ Георгий Михайлович, Вел. кн. Монеты царствований имп. Павла I и имп. Александра I. СПб., 1891. С. 14.
- ²⁴ ПСЗ. Т. 24. № 18275.
- ²⁵ РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 2227, л. 113—114.
- ²⁶ Там же, л. 60 и об.
- ²⁷ РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 2800, л. 16 и об. ПСЗ. Т. 26. № 19246.
- ²⁸ РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 3016, л. 28 об—29.
- ²⁹ *Шторх П. А.*, 1873. С. 1026.
- ³⁰ РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 638, л. 33 об—34. См. также: *Шишанов В. А.* Русские ассигнации образца 1802—1803 гг. Витебск, 1997. 16 с.
- ³¹ РГИА, ф. 560, оп. 38, д. 2, л. 449—460 об. РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 3005, л. 1—3.
- ³² РГИА, ф. 584, оп. 1, д. 3005, л. 3.